

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО УСТАНОВЛЕНИЯ

Л. Н. Берг

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург

В статье рассматривается результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их правового установления. В пользу правового установления приводятся мотивированные аргументы. Являясь основным законом государства и вследствие этого занимая ведущее положение в национальной правовой системе, всякая конституция обладает специфическими формально-юридическими свойствами, отличающими ее от любых других, как внутригосударственных, так и международных правовых актов. Однако каково бы ни было значение первичности, программности и универсальности положений конституции, их прямого действия, высшей юридической силы, особого порядка принятия (изменения) и охраны конституционных норм, нельзя не видеть, что приоритетное влияние на обеспечение конституционного правопорядка оказывают не они, а содержательные характеристики конституционных статей. В этом смысле ценность конституции состоит преимущественно в том, что она устанавливает наиболее общие (универсальные) принципы, правила и процедуры, которые образуют конституционную идеологию взаимоотношений личности, общества и государства.

Ключевые слова: *правовое воздействие, правовое установление, правовое регулирование, инструментальный аспект, юридические средства.*

Общеизвестно, что слово конституция (от латинского «constitutio») означает установление, устройство [13]. В формально-юридическом смысле конституция – это единый, обладающий особыми юридическими свойствами нормативный правовой акт, посредством которого народ устанавливает основные принципы устройства общества и государства, закрепляет правовой статус человека и гражданина. Специфика конституционного установления и закрепления заключается в том, что они не требуют специальных юридических средств обеспечения закрепляемых норм права, то есть юридических санкций, имеют статутный характер. Используемые конституционные средства установления проявляются как непосредственно (обладая свойством непосредственного, прямого действия), так и опосредованно, через конкретизацию нормативных положений в специальных нормативных правовых подзаконных актах.

В частности, юридическая конструкция конституционного установления и закрепления такова, что она не предполагает точно определенных (персонифицированных) прав и обязанностей конкретных субъектов участников правовых отношений – конституционные установления имеют всеобщий, универсаль-

ный характер, обращены ко всем или ко многим видам субъектов права, как правило, не порождают конкретных правоотношений, реализуясь в общих конституционных отношениях (к примеру, ст. 10 Конституции РФ). Общие установления объективируются в форме конституционного закрепления [16, с. 18].

В конституционном праве значительно больше, чем в других отраслях, норм-принципов, норм-деклараций, норм-дефиниций, норм-целей и т.д. Так, нормы-принципы установлены для всех субъектов, независимо от вида правоотношений, участниками которых эти субъекты являются (гражданско-правовых, административно-правовых, трудовых и т.д.). Данные нормы устанавливают правовое положение человека, правовые основы социально-экономического и общественно-политического строя, свободы и обязанности граждан, основополагающие идеи и параметры строительства правовой системы общества. Они служат эталонами, позволяющими установить необходимое соответствие целей и средств конкретных правовых норм объективным закономерностям общественного развития [10, с. 163].

В данном случае резонно говорить о том, что осуществляется результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их правового установления. Так, в пользу правового установления можно привести следующие аргументы. Являясь основным законом государства и вследствие этого занимая ведущее положение в национальной правовой системе, всякая конституция обладает специфическими формально-юридическими свойствами, отличающими ее от любых других, как внутригосударственных, так и международных правовых актов. Однако каково бы ни было значение первичности, программности и универсальности положений конституции, их прямого действия, высшей юридической силы, особого порядка принятия (изменения) и охраны конституционных норм, нельзя не видеть, что приоритетное влияние на обеспечение конституционного правопорядка оказывают не они, а содержательные характеристики конституционных статей. Поскольку правовые установления уже закреплены конституцией, регулировать оказывается поздно и бессмысленно, необходимо просто подчиняться заданным предписаниям. При этом нельзя забывать о том, что правовые нормы формируются искусственным путем. Таким образом, следует признать, что правовое регулирование как средство юридизации социальной среды – вполне пригодный инструментарий для наведения элементарного прикладного порядка, но имеющий пределы использования. Иначе говоря, в правовом регулировании представлен лишь элемент правового влияния, а не его универсум [9, с. 32].

В этом смысле ценность конституции состоит преимущественно в том, что она устанавливает наиболее общие (универсальные) принципы, правила и процедуры, которые образуют конституционную идеологию взаимоотношений личности, общества и государства. Неотъемлемыми признаками конституционной идеологии принято считать верховенство права и правовое государство, признание и уважение прав и свобод человека и гражданина, демократию и народное представительство, частную собственность и предпринимательство, разделение властей и децентрализацию государственного аппарата, равенство перед законом и судом, политическое и идеологическое многообразие, многопартийность и свободу деятельности общественных объек-

тивных, независимое правосудие и состязательность судопроизводства. Именно они в своей совокупности и составляют существо конституционной традиции, имеющей основным своим предназначением достижение баланса индивидуальной свободы и публичной власти [5, с. 4].

В продолжение рассуждений о сущности правового установления необходимо отметить, что ценностная парадигма конституции демократического правового государства заключается в том, что она определяет общую стратегию официальной правовой идеологии, ее векторные социальные параметры, закрепляет на основе признания абсолютной значимости верховенства права основополагающие принципы иерархической институционализации государственного управления, его созидательные функции, дифференцированные в пределах предоставленной компетенции, непреложность основных прав и обязанностей граждан, гарантии их государственного обеспечения.

Помимо этого, конституционно-правовые установления, закрепленные в конституции, являются основополагающими для всех отраслей права данного государства. Действуя непосредственно, они дают «импульс развитию всей правовой системы в качестве правообразующего фактора» [12, с. 83]. Конституция – это нормативно-правовая база действующей системы законодательства, игнорирование которой в демократическом правовом государстве недопустимо. Л. А. Сен-Жюст писал: «Конституция есть начало и средоточие всех законов. Всякое установление, не исходящее из конституции, есть тирания» [8, с. 112].

Для обоснования данной позиции рассмотрим институт права собственности, который является базовым для всех экономических отношений. В экономическом смысле собственность – это отношения по поводу господства над определенными материальными и духовными благами. Они находятся в центре отношений по производству, потреблению и распределению этих благ и определяют важнейшие черты и сущность экономической системы, экономической власти. В рамках гражданского права институт права собственности есть совокупность норм права, регулирующих отношения субъектов по поводу господства над материальными объектами.

В то же время в конституционно-правовой институт собственности входят нормы, устанавливающие общий конституционный статус института собственности: признание разных форм и уровней собственности (ч. 2 ст. 8); равную правовую защиту этих форм (ч. 2 ст. 8); установление особенностей правовых режимов права собственности на землю и другие природные ресурсы (как основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9)); ограничение права частной собственности при определенных конституционно-правовых условиях, в том числе в условиях чрезвычайного положения (ч. 1, 3 ст. 56).

В этот институт также входят нормы, устанавливающие особый статус частной собственности (ч. 1 ст. 35 – право частной собственности охраняется законом); правовое содержание частной собственности (ч. 2 ст. 35); гарантии защиты частной собственности (ч. 3 ст. 35); признание иных правовых элементов права собственности – признание права наследования (ч. 4 ст. 35), интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 44); субъектов права частной собственности (ч. 2 ст. 35 – каждый вправе иметь имущество в собственности как единолично, так и совместно с другими лицами; ч. 1 ст. 36 – граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю); определенный правовой режим объектов права частной собственности (ч. 2, 3 ст. 36 – частная собственность на землю и природные ресурсы осуществляется, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36) [4, с. 69].

В правовом установлении в первом приближении выражаются закономерности возникновения права, поскольку для того, чтобы право могло функционировать, оно должно быть установлено: по сути, правовое установление – это целенаправленное воздействие на общественные отношения в целях их правового опосредования при помощи юридических норм.

Соответственно своеобразие правового установления заключается в том, что:

– правовое установление имеет целенаправленный характер, который выражается в процессе, подчиненном определенному представлению о результате, образу будущего, то есть направленный на достижение осознаваемой цели правового опосредования общест-

венных отношений, которые жизненно важны для социума, являются по своей сути волевыми, направленными на определенный результат, устойчивыми, повторяющимися, типичными, то есть поддающимися определенной формализации, за которыми можно осуществлять внешний контроль [11, с. 189–190];

– цель правового опосредования отражается в правосознании законодателя, естественно, отражается заранее, то есть заранее учитывается, кроме того, рассматривается как возможный результат возможной деятельности, является желательной для данного социума, который стремится практически достичь ее [3, с. 22–23];

– поскольку целью законодателя является именно правовое опосредование общественных отношений, представляющее перевод фактических отношений в модель поведения либо моделирование общественных отношений, желательных, необходимых для социума, в рамках которых определяются субъективные права и юридические обязанности участников отношений, осуществление которых призвано обеспечить реализацию модели [14, с. 67–68], причем уже законодательно установленные общественные отношения, по сути, представляют собой воспроизводство действительности в правовой форме. В отношении первой ситуации Е. А. Лукашева отмечала, что «процедура нормативно-оценочного отражения включает оценки (то есть сравнение данной типичной ситуации с иными и выявление ее пользы либо вреда для субъекта познания), вынесение ценностного суждения и, наконец, трансформацию ценностного суждения в идеальную норму». Процесс осознания увеличивает долю субъективного момента нормогенеза. Осознав значимость нормативности, социальная общность – коллектив, государство и др. – моделирует ее характеристики в виде идеальных норм [6, с. 28];

– автор исследования считает, что воспроизводство действительности в правовой форме происходит через механизм правового отражения, а учитывая, что речь идет о правовом установлении, то очевидно должно иметь место опережающее отражение, суть которого заключается в том, что совершению любого действия должно предшествовать предвидение его последствий, психологической основой которого является установка на будущее [2, с. 37].

В качестве примера можно привести правовые нормы как показатель связанности права с отражением, соответственно связи правовых норм с опережающим отражением обнаруживаются в процессе правотворчества. Всякий раз, когда формируется правовая норма, ее создатель как бы «заглядывает» в будущее, пытаясь найти юридическую формулу для предотвращения нежелательных последствий, а для случаев их появления – формулу их решения. Правотворчество – это способ познания, отражения и творения будущего. В определенном смысле его уместно рассматривать в качестве социально значимой формы опережающего отражения. В то же время юридические акты и содержащиеся в них юридические нормы, будучи отражением жизни, являются своего рода окошками в прошедшие времена, позволяют «увидеть существовавшие тогда отношения, нравы, конфликты, словом, наглядно и зримо ощутить прошлое» [1, с. 67].

Но и в этом смысле юридические нормы значимы в той мере, в которой они когда-то служили формой опережающего отражения и направляли, формировали общественные отношения. Даже в тех случаях, когда позитивно-правовые нормы закрепляют ранее существовавшие социальные нормативы, уместно говорить о них как о форме опережающего отражения. Это возможно в силу того, что такие нормы, как и иные правовые установки, призваны нести информацию о границах свободы, пределах возможного поведения и о возможных последствиях при нарушении их требований. Любая правовая норма информирует участников социального взаимодействия о правилах поведения, до того как происходят сами действия, и в этом смысле нормы права являются формами опережающего отражения [15, с. 21].

Автор исследования считает необходимым акцентировать внимание на статичном характере правового установления. Поскольку социальная статика имеет своей целью обнаружение и установление законов социального порядка, то соответственно понятие «правовое установление» характеризует в концептуальной базе определенные элементы правовой статистики (фиксированные начальные исходные параметры правовой системы, начальные связи элементов правовой системы, формы правового воздействия) и т.д.

Например, если рассматривать статичный характер правового установления в рамках конституционного права, то можно констатировать, что в Конституции РФ устанавливается общий юридический каркас, правопорядок, на основе которого функционирует механизм государственной и муниципальной власти, обеспечиваются права и свободы личности. Перспективный характер конституции является специфической формой социального прогнозирования, научного предвидения, творческого воздействия права на формирование новых общественных отношений. Делается вывод, что исключительная значимость новой Конституции состоит в том, что она юридически оформила суверенный статус России как единого многонационального государства, государства-цивилизации, государства единой гражданской нации, скрепленной русским народом, русским языком и русской культурой, занимающего достойное место в системе мирового сообщества. Она закрепила современную модель российского федерализма [7, с. 1307].

Если анализировать правовое установление как разновидность правового воздействия в уголовном праве, то можно обнаружить, что основанием возникновения уголовных правоотношений выступает факт совершения лицом преступления, поскольку последнее – «это юридический факт, порождающий уголовно-правовые отношения между лицом, совершившим преступление, и государством. Эти отношения как возникшая связь между лицом, совершившим преступление, и государством могут находиться сначала в статике (пока не установлена обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры юридической ответственности), а затем в динамике (применение меры юридической ответственности к правонарушителю) [17, с. 73]. В частности, ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса РФ гласит, что для осуществления задач настоящей Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Таким образом, можно констатировать, что правовое установление характерно для разных отраслей права, причем объем правового установления будет

существенно меняться в зависимости от отраслевой направленности.

Литература

1. Алексеев, С. С. Право: Азбука-Теория-Философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА. 1999. – 740 с.
2. Анохин, П. К. Избранные труды. Кибернетика информационных систем / П. К. Анохин. – М.: Медицина, 1998. – 400 с.
3. Багдасарян, В. Х. Причина и цель: автореферат дис. ... канд. философ. наук / В. Х. Багдасарян. – Ереван, 1967. – 23 с.
4. Институты конституционного права / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. Е. Постников. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. URL: <http://www.gss.ru/copyrighted/instituty-konstitucionnogo-prava-otv-red-d-u>.
5. Князев, С. Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма / С. Д. Князев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4–12.
6. Лукашева, Е. А. Закон как источник советского государственного права / Е. А. Лукашева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 152 с.
7. Михалева, Н. А. Конституция 1993 г. – юридическая модель настоящего и будущего России / Н. А. Михалева // Lex russica. – 2013. – № 12. – С. 1307–1317.
8. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. URL: <http://www.twirpx.com/file/1410594/>.
9. Осинцев, Д. В. Функции права: регулирование или управление? / Д. В. Осинцев // Российский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 23–37.
10. Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова. – М.: Издательство Норма, 2005. – 484 с.
11. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 495 с.
12. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – М., 1982. – 256 с.
13. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/k/koncti.html>.
14. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М.: Юрид. лит., 1974. – 340 с.
15. Хорошильцев, А. И. Понятие права в контексте теории отражения / А. И. Хорошильцев // История государства и права. – 2014. – № 15. – С. 21–25.
16. Червонюк, В. И. Конституционное право России / В. И. Червонюк. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 432 с.
17. Шапиев, С. М. Понятие и содержание уголовной ответственности / С. М. Шапиев // Вестник Ленинградского университета. Серия «Экономика. Философия. Право». – Вып. 4. – № 23. – 1981. – С. 69–77.

Берг Людмила Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург. E-mail: mila-berg@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2016 г.

INSTRUMENTAL ASPECTS OF THE STUDY ON LEGAL ESTABLISHMENT

L. N. Berg

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

The article considers effective, legal and organizational impact on social relations with the aim of their legal establishment. In favor of the legal establishment motivational arguments are given. Being the main state law and therefore holding the leading position in the national legal system, any constitution has specific legal properties that distinguish it from others, both domestic and international legal acts. However, despite the significance of priority, policy and universality of constitutional provisions, their direct force, higher legal effect, a special order of acceptance (change) and protection of constitutional norms, it is obvious that it's not them, but meaningful characteristics of the constitutional articles exert a priority influence on the maintenance of constitutional order. In this regard, the importance of the constitution consists mainly in the fact that it establishes the most common (universal) principles, rules and procedures that form the constitutional ideology of relations of an individual, society and the state.

Keywords: *legal influence, legal establishment, legal regulation, instrumental aspect, legal means.*

References

1. Alekseev S. S. *Pravo: Azbuka-Teorija-Filosofija. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: The ABC-theory-philosophy. Experience of complex research]. Moscow, 1999, 740 p.
2. Anohin P. K. *Izbrannye trudy. Kibernetika informacionnyh sistem* [Selected works. Cybernetics Information Systems]. Moscow, 1998, 400 p.
3. Bagdasarjan V. H. *Prichina i cel': avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The reason and purpose. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Erevan, 1967, 23 p.
4. *Instituty konstitucionnogo prava* [The institutions of constitutional law] (otv. red. L. V. Andrichenko, A. E. Postnikov). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2013. URL: <http://www.gss.ru/copyrighted/instituty-konstitucionnogo-prava-otv-red-d-y>.
5. Knjazev S. D. [The stability of the Constitution and its importance for the modern Russian constitutionalism] // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 2015, no. 1, pp. 4–12 (in Russ.)
6. Lukasheva E. A. *Zakon kak istochnik sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Act as a source of Soviet state law]. Moscow, 1986, 152 p.
7. Mihaleva N. A. The 1993 Constitution – the legal model of the present and the future of Russia. *Lex russica*, 2013, no. 12, pp. 1307–1317 (in Russ.)
8. *Normotvorcheskaja juridicheskaja tehnika* [Normative legal technique] (pod red. N. A. Vlasenko). Moscow, 2013. <http://www.twirpx.com/file/1410594/>
9. Osincev D. V. [Functions of Law: regulation or management?] // *Rossijskij juridicheskij zhurnal [The Russian law magazine]*, 2015, no. 1, pp. 23–37 (in Russ.)
10. Perevalov V. D. *Teorija gosudarstva i prava* [Theory of State and Law study book]. Moscow, 2005, 484 p.
11. Perevalov V. D. *Teorija gosudarstva i prava* [Theory of State and Law study book]. Moscow, 2011, 495 p.
12. Tihomirov Ju. A. *Teorija zakona [The theory of Act]*. Moscow, 1982, 256 p.
13. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka Ushakova [Dictionary of Russian language]*. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/k/koncti.html>

14. Halfina R. O. *Obshhee uchenie o pravootnoshenii [The general doctrine of legal relationship]*. Moscow: Legal literature, 1974. 340 p.
15. Horoshil'cev A. I. The concept of law in the context of the theory of reflection // *Istorija gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2014. № 15. pp. 21–25 (in Russ.)
16. Chervonjuk V. I. *Konstitucionnoe pravo Rossii: Uchebnoe posobie [Constitutional Law of Russia study book]*. M., 2004, 432 p.
17. Shapiev S. M. The concept and content of criminal responsibility. *Vestnik Leningradskogo universiteta [Bulletin of Leningrad University]*. “Economy. Philosophy. Law”, 1981, Vol. 4, no. 23, pp. 69–77 (in Russ.)

Liudmila Nikolaevna Berg – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Theory State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: mila-berg@mail.ru.

Received 9 April 2016.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Берг, Л. Н. Инструментальные аспекты исследования правового установления / Л. Н. Берг // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 19–25. DOI: 10.14529/law160203.

FOR CITATION

Berg L. N. Instrumental aspects of the study on legal establishment. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 19–25. (in Russ.) DOI: 10.14529/law160203.
